

© 2010 г. Б. П. МИЛОВИДОВ\*

## ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Проблема взаимоотношений России и внешнего мира является одной из ключевых проблем российской истории в эпоху интенсивной модернизации XVIII–XX вв. Ее важной составной частью является вопрос о положении иностранцев в России, изучение которого дает материал для определения степени интегрированности России в европейское сообщество. При этом важны как государственная политика, так и позиция общества, восприятие различными его слоями «чужого» или «другого». И хотя проблема взаимоотношения «свой/чужой» на материале отечественной истории, в том числе и на материалах XIX в., в последнее время интенсивно разрабатывается, вопрос о восприятии иностранцев в России остается малоисследованным<sup>1</sup>. Изучение отношения к военнопленным представляется в данном контексте особенно продуктивным, поскольку исходное отношение к иностранцам накладывалось в этом случае на тот факт, что они являлись одновременно врагами, пусть и пленными. Кроме того, во время пребывания в России пленники, отправлявшиеся во внутренние губернии, вступали в контакты не только с военными, но и с гражданским населением, причем масштабы

\* Миловидов Борис Павлович, соискатель Европейского университета в Санкт-Петербурге.

этих контактов были зачастую шире, чем в мирное время. Весь этот комплекс обстоятельств способствует проявлению таких культурных механизмов, которые в иных ситуациях не попадают в поле зрения исследователя.

Положение иностранных пленных в России и отношение к ним в годы Северной войны, в эпоху 1812 г. и в период Первой мировой войны уже отчасти изучено в отечественной историографии<sup>2</sup>. Пленные же, оказавшиеся в России в годы Крымской войны, накануне Великих реформ, не привлекали к себе внимание историков. Исключением является статья В.А. Бессонова, посвященная военнопленным на территории Калужской губ.<sup>3</sup>

По данным Инспекторского департамента Военного министерства, на 1856 г. в русском плену побывало офицеров и нижних чинов соответственно: британцев – 47 и 595; французов – 72 и 1 353, сардинцев – 4 и 63, турок – 958 и 11 431. Умерли в плену: 17 офицеров и 137 нижних чинов из Франции, 127 и 1 673 турок (более 1 500 из них – пленные из находившегося в осаде Карса) и 38 нижних чинов из Великобритании. На жительстве в России остались сардинский офицер, 2 француза и англичанин, остальные вернулись на родину<sup>4</sup>. В эту статистику не попали английский генерал У.-Ф. Вильямс, турецкий главнокомандующий при Синопе Осман-паша и еще несколько пашей «генеральских чинов». Особенностью Крымской войны был систематически практиковавшийся с середины 1854 г. размен пленных.

Государственная политика в отношении пленных в целом определялась существовавшими на тот момент, хотя и не зафиксированными в многосторонних конвенциях, нормами международного права. В ходе создания Положения о пленных, утвержденного императором 16 марта 1854 г. (и рассчитанного, кстати сказать, на турок, поскольку в начале 1854 г. воевать с европейскими державами Россия не предполагала), по запросу Военного министерства Министерство иностранных дел составило записку, в которой излагалось понимание вопроса о военном плене в европейском международном праве. В ней, в частности, говорилось, что «военному пленению подлежат только государь с носящими оружие и способными к тому членами его фамилии и, кроме того, все лица, принадлежащие к военной действующей силе. Военное пленение начинается с тех пор, как неприятель с оружием в руках, сделавшись неспособным к дальнейшему сопротивлению, попадает в руки противника и жизнь его может быть пощажена или когда он передается в виде военнопленного добровольно под известными условиями или без оных... Сущность военного плена в наше время состоит единственно в фактическом ограничении естественной свободы с целью воспрепятствовать возвращению в неприятельское государство и дальнейшему участию в военных действиях»<sup>5</sup>. При этом делались ссылки на таких признанных авторитетов международного права, как Г. Гроций, И. Мозер, К. Бейнкерсхук, Э. Ваттель и других. Однако текст записки был не плодом творчества чиновников МИД, обобщивших мнения указанных классиков, а лишь сокращенным переводом соответствующего отрывка сочинения немецкого ученого А.В. Гефтера, изданного в 1844 г.<sup>6</sup>

В целом, российское законодательство соответствовало приведенной интерпретации статуса военнопленных. Согласно Положению 1854 г., нормы довольствия пленных были близки к довольствию солдат русской армии, а пашам генеральских чинов назначалось содержание генералов российского военно-сухопутного ведомства. Снабжение пленных транспортом тоже осуществлялось по нормам, принятым в русской армии. Их собственность считалась неприкосновенной, а деньги и ценные вещи изымались, но при отправке на родину подлежали возврату. Во внутренних губерниях пленные размещались в казенных зданиях, а в случае их отсутствия – по квартирам жителей на тех же основаниях, что и русские войска. При необходимости для пленных шилась теплая одежда. Во внутренних губерниях пленные находились под надзором полиции, им разрешалось наниматься на работы, для взаимодействия с властями назначались переводчики. Богослужение и исполнение пленными обрядов не должны были стесняться, если это не наносило вреда общественному спокойствию. Пленные находились под юрисдикцией России и могли быть помещены в госпитали и больницы

на общих основаниях с российскими подданными. Взятых с оружием в руках могли использовать на государственных работах (хотя на практике эта норма реализована не была)<sup>7</sup>. Если пленные европейских наций, находившиеся в рядах турецких войск, по Положению 1854 г. подвергались некоторым ограничениям (например, вне зависимости от чинов они препровождались этапным порядком и получали содержание наравне с нижними турецкими чинами), то постепенно, после того как Англия, Франция и Сардиния официально вступили с Россией в войну, подданные этих стран были уравнены в правах с турками и даже получили некоторые материальные преимущества. Внутри России пленным разрешалось вести между собой переписку. По Положению, турецкие офицеры отправлялись в Тулу, турецкие нижние чины мусульманского вероисповедания – в Орел, христианского – в Курск; для иностранцев же из рядов турецких войск назначались Калуга и Рязань. Позднее к местам пребывания турок прибавились Ярославль, Владимир, Вологда, Пенза, Смоленск. Английских пленных офицеров было предписано высылать в Рязань, а нижних чинов в Воронеж, французских офицеров в Калугу, а нижних чинов в Тамбов. Итальянцы оказались в Костроме<sup>8</sup>. Однако на практике это распределение пленных по губерниям не всегда соблюдалось.

Отношение к военнопленным различных слоев русского общества определялось не столько обстоятельствами военно-политического противостояния, сколько степенью социальной и культурной близости к ним. При этом отношение к пленному как к представителю враждебной державы и как к человеку, оказавшемуся в критической ситуации и нуждающемуся в сострадании и помощи, подчас причудливо переплеталось. Особенно ярко это проявлялось у военнослужащих. Молодой офицер А.И. Ершов так описывает в мемуарах свои ощущения: «С удивительно странным чувством смотрел я на пленных, точно в эту минуту находились передо мною не подобные мне люди, а какие-то сверхъестественные чудовища, персоны особого покроя. Ничуть не бывало! Французы и англичане были те же французы и англичане, как и в магазинах на Невском проспекте, но только в военной одежде. Причиной же странного настроения, с которым я глядел на них, были законы войны». Однако таковы были лишь первые ощущения. Далее Ершов говорит о пленных в иной тональности. Вот после схватки привели пленного француза. В русском лагере он видит лежащего в биндаже офицера, которого только что сам ранил в бою. Француз в отчаянии. «Видя неприятную горечь француза, его стали увещать, говоря, между прочим, что всему виной война, печальная необходимость, ее закон»<sup>9</sup>.

Похожие метаморфозы в восприятии противника прослеживаются и в мемуарах офицера П.Д. Рудакова. 4 ноября 1855 г. мемуарист констатирует, что генерал Вильямс, руководивший обороной Карса, «доволен, конечно же, смертностью турок, сколько и русских, так как англичане желают только того, чтобы мы друг друга истребляли»<sup>10</sup>. Но отношение к Вильямсу поразительно меняется, когда он превращается в военнопленного. Запись, явно дневникового характера, датированная 15 ноября 1855 г., т.е. кануном сдачи крепости, отражает впечатления автора от английского генерала во время переговоров о капитуляции. «Я совершенно помирился с этим человеком, – пишет Рудаков, – которого воображал себе обыкновенным английским бульдогом, надутым, толстым и рыжим. Но вышло совершенно напротив. Он имеет самую приятную военную физиономию – очень похож на портрет князя Меншикова, только имеет довольно большие седые усы. Стан его прям, корпус худощав, рост выше среднего, а манеры и обращение весьма приятны. Надия поставила его быть защитником турок. Он исполнил ее волю самым добросовестным образом... Признаться, мне было грустно смотреть на этого бедного старика, обладающего самой почтенной наружностью, когда он расхаживал между нашими солдатами, смотревшими на него как на какую-нибудь птицу, у которой очень бы желали обшипать почище все перышки»<sup>11</sup>. Здесь впечатления, обусловленные переходом от состояния противника к состоянию пленного, усиливаются тем, что личный контакт разрушает представление о «типичном» англичанине, и чувство жалости к противнику смешивается с удивлением. Сходное впечатление о Вильямсе сложилось и у кн. А.М. Дондукова-Корсакова – одного

из главных участников переговоров: «Высокий рост генерала, выразительные черты его лица, отчасти гордая осанка – все в нем показывало энергию и волю, вместе с тем благородная наружность его внушала к нему уважение и доверенность». После заключения акта о сдаче Карса Вильямс подарил Дондукову перо, которым он подписал этот исторический документ<sup>12</sup>. Противоречивые впечатления у Рудакова были и от турецких пленнх, выходящих из Карса. «Это были злостные пленники наши, – пишет он, – оборванные, тощие, несколько дней почти что не евшие, все они шли, или лучше сказать, тащились пешком». Однако тут же мемуарист добавляет: «Казалось, стоит им вернуться, взять в руки оружие, приблизиться к пушкам, и укрепления вновь станут неприступны»<sup>13</sup>. Не случайно турки выходили из крепости под дулами русских пушек, около которых по приказу главнокомандующего Н.Н. Муравьева стояли артиллеристы с зажженными фитилями.

Отношение российских офицеров и командования к пленным европейцам во многом определялось ориентацией российского образованного общества на европейскую культуру, о чем свидетельствовало и отсутствие при общении с противниками языкового барьера. И российские офицеры, и их противники, как правило, говорили по-французски. А. Крупская, сестра милосердия Крестовоздвиженской общины, в своих воспоминаниях писала, что в бахчисарайский госпиталь уже после падения Севастополя «из штаба приходили адъютанты внушать, чтобы как можно вежливее обращались с пленными»<sup>14</sup>. Пленный французский солдат, почти мальчик, «с наивным добродушием» под Севастополем слушал обращенную к нему «ласковую речь неприятельских офицеров»<sup>15</sup>. Весьма показателен отзыв об условиях содержания, созданных военными властями для английских пленнх с парохода «Тигр». Медицинский работник с этого корабля в письме на родину сообщал: «Мы живем в карантине в комфортабельных комнатах и ничто не может превосходить благосклонности и внимания, оказываемых нам всеми и каждым. Мы имеем хорошую квартиру, хороший стол и все, что только нам угодно». Все моряки «веселы, хорошо ведут себя, и им оказывается всякое возможное снисхождение». Об этом же свидетельствуют и записки лейтенанта «Тигра» А. Ройера<sup>16</sup>.

В комнате у адъютантов начальника Севастопольского гарнизона генерала от кавалерии Д.Е. Остен-Сакена на Николаевской батарее в Севастополе долго жил пленный французский капитан Пьер. По словам подполковника кн. А.В. Мещерского, «это был простой добродушный человек, отличный офицер». Сам Мещерский, занимавшийся в Одессе разменом, жаловался английскому офицеру, принимавшему пленнх, на буйства и пьянство его соотечественников во время пребывания в России, но тем не менее замечал: «У нас вообще принято смотреть на пленнх не как на врагов, но скорее как на людей, постигнутых несчастьем и потому достойных участия». Такого же мнения придерживалось и российское военное командование, принимавшее от союзников награды (в том числе и ордена Почетного Легиона), предназначавшиеся пленным солдатам и офицерам. Правда, эти награды, как правило, вручались их обладателям перед освобождением, чтобы избежать «неловкого для нас положения» – ведь пленники получали их «за отличия против нас из наших же рук, в пределах нашего Отечества»<sup>17</sup>.

Описывая посещение английскими офицерами русского лагеря в ходе переговоров о сдаче Карса, доктор Х. Сандвит отмечал, что русские офицеры обошлись с английскими парламентарями весьма внимательно, пригласили на обед и вообще «поступили как рыцари со своими пленными». Русские наговорили англичанам множество комплементов «относительно великодушия, постоянства и человеколюбия», которые те проявили в ходе осады. В свою очередь, англичане признавали мужество осаждавших, особенно во время неудачного штурма 17 сентября 1855 г. Во время этих бесед один из русских офицеров рассказал, что в тот день был свидетелем, как адъютант Вильямса майор Тисдель спас русского раненого офицера, вырвав его из рук турецких солдат, которые уже успели раздеть его<sup>18</sup>.

Понятие офицерской чести играло большую роль во взаимоотношениях противников. Французский капитан Данпьер через несколько дней после пленения под Севасто-

полем попросил забрать свои вещи из лагеря союзников. Под честное слово ему было разрешено отправиться туда на лошади. Через несколько часов Данпьер вернулся<sup>19</sup>. Серьезность отношения пленнх к офицерскому слову иллюстрируется следующим фактом. Французскому подполковнику Генерального штаба, захваченному в плен под Севастополем 8 сентября 1854 г., было предложено остаться на честном слове в расположении Русской армии. Однако пленник заявил, что накануне падения крепости он не желает связывать себя никакими обязательствами, и предпочел отправиться во внутренние губернии<sup>20</sup>. Представления об офицерской чести своеобразно отразились и в другом эпизоде. Один из мемуаристов рассказывал, как английского офицера, взятого в плен под Севастополем, поили чаем. Тут же завязался разговор, во время которого один из русских офицеров упрекнул англичанина в том, что тот сдался, не оказав должного сопротивления. Затем этот офицер, долгое время воевавший на Кавказе, высказал предположение, что англичанин попал в плен нарочно, чтобы разведать расположение русских войск. «Нет ничего такого гнусного, на что бы не были способны разного рода нехристи. Ох, если бы была на то у меня власть, пытать бы его, кажется, был способен, – говорит он. – Ах господи, вы уж чересчур европейцы!». Но европейская модель поведения в конце концов одержала верх – ведь англичанин не горюет. И офицер продолжал: «Нет, пытать, впрочем, неблагоприятно, а вызвать бы его по-настоящему на дуэль нужно. Пусть вперед от смерти не сторонится... и впредь подобными противными офицерскому званию вещами не занимается»<sup>21</sup>. Так причудливо сочетались представления об офицерской чести, которые имели общеевропейский космополитический характер, и опыт, полученный в условиях «неевропейской» войны на южных границах империи. Любопытно, что и генерал Вильямс, представлявший страну, которая активно вмешивалась в Кавказскую войну на стороне горцев, рассказывал позднее в Рызани, как он в 1854 г. в письме Шамилю по поводу взятия им в плен княгини В.И. Орбелиани и А.И. Чавчавадзе упрекал имама в «непристойности и неблагоприятности подобного действия потому-де, что у цивилизованных народов женщины непричастны к военным случаям»<sup>22</sup>.

Для офицера же Ершова даже недружелюбный французский зуав похож на человека, с которым он где-то встречался, – так приучили публику к этому роду войск французские гравюры и иллюстрированные издания. Русские офицеры подбадривали зуава. Ершов тоже заговорил с ним, спросив, имеет ли он близких или родных во Франции<sup>23</sup>. Европейская традиция отношения к пленным распространялась русскими офицерами и на турок. «Бедного мальчика все очень жалеют», – писал мемуарист о раненом под Карсом сыне турецкого офицера<sup>24</sup>. «К любопытству, – вспоминал другой очевидец о карских пленнх, – присоединялось чувство искреннего участия... Это были уже не враги наши, а страждущие и немощные люди, вверившиеся нашему человеколюбию»<sup>25</sup>. Сочувствие усиливалось тем фактом, что турки, попавшие в страну с культурой, принципиально отличной от их собственной, чувствовали себя менее комфортно, чем французы и англичане. По свидетельству одного русского офицера, находившегося под Севастополем, «турки выглядели жалче всех, как будто над ними висел дамоклов меч». Они готовы были «целовать нашим солдатам руки за кусок хлеба»<sup>26</sup>.

Турецким офицерам, взятым в Карсе, в знак признания их мужества при обороне крепости по условиям капитуляции были сохранены шпаги<sup>27</sup>. Осман-паша, попавший в плен при Синопе, писал дружеские письма капитану Г.И. Бутакову<sup>28</sup>. Турецкие пленные, прибывшие для размена в Одессу, в знак благодарности за заботу со стороны кн. А.В. Мещерского, решили сделать ему подарок. На вопрос, что бы он желал получить из Турции, князь сказал, что ему самому ничего не надо, но в шутку заметил, что его жена хочет негретенка, и через несколько месяцев в Одессу прибыл маленький африканец, хотя туркам и было запрещено дарить христианам невольников<sup>29</sup>. Египетские офицеры с парохода «Перваз-Бахри», взятого в Черном море русским пароходом «Владимир», в письме на родину сообщали, что пленным матросам было приказано сварить похлебку, «а офицеров пригласили к столу самого капитан-паши» (В.А. Корзилова. – *Б.М.*), где угощали «яствами и напитками и спрашивали о сражении и

своими ласками и разговорами усмирили... страх»<sup>30</sup>. В.И. Барятинский, участвовавший во взятии пархода, подтверждал, что когда наступило время обеда, Корнилов пригласил к столу пленных офицеров и муллу. Позднее, в Севастополе, Барятинский несколько раз навещал пленников, которые встречали его «с удовольствием, как старого знакомого». Все пленные офицеры помещались в одной комнате и строго исполняли обряды, предписанные Кораном. «С ними обращаются отлично, и они кажутся довольными», – отмечал мемуарист<sup>31</sup>. После сдачи Карса Муравьев на торжественный обед приглашал и англичан, и турецких генералов<sup>32</sup>. Главнокомандующий объявил Керим-пашу, с которым был знаком еще с 1833 г., своим гостем и оставил у себя. Многие русские офицеры пригласили турецких «погостить» до отправки их в Россию. Керим-паша, по словам одного из мемуаристов, «грустил молча», «все с участием смотрели на его выразительное лицо, носившее отпечаток немой скорби». Он был необщителен, тих и скромн. В целом же турецкие паша хотя и «грустили о своем несчастье, проклинали войну, жаловались на неудачный союз с англичанами и французами», однако с удовольствием принимали посещения русских генералов, видя в этом проявления «участия и заботливости»<sup>33</sup>.

Впрочем, некоторые документы позволяют заметить и снисходительно-ироническое отношение русских военных к «нецивилизованным» пленникам с Востока. Примечательно, что проявлялось оно не в действующей армии, где противники видели друг друга в бою лицом к лицу, а в Петербурге. Доставленные по повелению императора в столицу офицеры с «Перваз-Бахри» осматривали достопримечательности столицы, в том числе и императорский дворец. Они обратили внимание на роскошь, на множество комнатных растений, но особенно им понравились «картины, изображающие птиц, петухов, павлинов, которые как будто летят, другие сидят»<sup>34</sup>. Письмо пленников с изложением всех этих впечатлений, по-видимому, ходило в столице по рукам. «Некоторые из офицеров, которых я видел в Петербурге, – пишет английский лейтенант Ройер, – рассказывали мне со смехом, что недавно один пленный турок написал своему другу письмо, в котором говорил, что единственная достопримечательность, виденная им в России, это картина, виденная им в одной картинной галерее, изображающая петухов и кур»<sup>35</sup>.

Гуманное отношение к пленным в годы Крымской войны было характерно не только для российских офицеров, но и для нижних чинов. Захваченные в плен противники России часто помещались в одни госпитали с русскими солдатами. А. Крупская вспоминает, что в севастопольском госпитале лежал раненый француз, который подружился с российским солдатом. Они общались на языке жестов, хорошо понимали друг друга, между ними «завязалась искренняя дружба»<sup>36</sup>. В Симферополе все раненые помещались в доме губернских присутственных мест. Один из местных жителей рассказывал, как очнувшийся в госпитале русский артиллерист, увидев рядом с собой англичанина, бросился к нему на шею «и стал самым нежным образом целовать его». На вопрос о причинах «такой необыкновенной ласки» артиллерист ответил, что англичанину он обязан жизнью, поскольку тот оттащил его с дороги, по которой мчалась кавалерия. «Мы дали артиллеристу бутылку вина, – пишет мемуарист, – и он распил ее с пленным англичанином»<sup>37</sup>. Одному старому солдату, который помнил еще Наполеона I, русские оказывали особые знаки уважения, с любопытством слушали его рассказы о великом императоре. Под конец пленному ветерану давали мелких денег, и он сказал своим противникам с достоинством: «Благодарю вас, господа, принимаю (деньги. – Б.М.) как товарищеское пособие в несчастье и при первом удобном случае тотчас возвращу этот счастливый долг»<sup>38</sup>.

Мотивы такого отношения к пленным со стороны нижних чинов заключались не только в том, что они следовали приказам и примеру командования, но и в ощущении своеобразного братства по оружию, по воинскому долгу, в чувстве общности солдатской судьбы. Доказательством существования такого братства, по крайней мере, между русскими и европейскими (в первую очередь французскими) солдатами, являются описания взаимоотношений противников во время уборки тел. В ходе этих вынуж-

денных передышек солдаты вражеских армий «весело разговаривали между собой на понятном только им языке (главное тут состоит в особенной мимике с прибавлением каких-то непонятных слов и выражений, которые удивительно верно и скоро понимаются разговаривающими), менялись вещами и даже совместно выпивали»<sup>39</sup>. Русские солдаты так комментировали подобные ситуации: «Что ж, поговорили с ними, а они такие же солдаты, как мы, свой долг сполнают»<sup>40</sup>. В некоторой степени такое отношение распространялось и на турок. Один из офицеров привел следующий разговор солдат, собравшихся вокруг турецкого пленного: «Эй, ты, турка, тоже воевать пошел, ну куда тебе воевать... Ишь какой воин выискался!» – говорил один. Другой ему возражал: «Да чего ты зубы скалишь? Нешто он по своей воле пошел. У них тоже, небось, начальство есть». Тут кто-то обратил внимание, что турок без сапог. Один из солдат сказал, подавая ему сапоги: «Хоть и не крещеный, а все, значит, человек». Затем дали турку новую одежду «и под конец, решив, что турка без трубки не бывает, всунули ему в зубы трубку»<sup>41</sup>. Существовал еще один мотив, определявший отношение солдат к пленным. «Пленный – это вещь казенная, – говорили они, – пожалуй, попортишь – придется отвечать»<sup>42</sup>.

Впрочем, восприятие пленных разных наций имело свои нюансы. К англичанам относились более сдержанно и холодно, чем к французам. Скорее всего, это определялось не только тем, что подданные британской короны в плену были «угрюмы и необщительны», но и тем, что они считались основными виновниками войны<sup>43</sup>. Турок же в основном жалели. «Едва являлся несчастный баши-бузук или какой-нибудь египтянин, солдаты наперерыв старались заманить его в свои кружки, где наделялся он пищею, обувью, а иногда и несколькими копейками, сбереженными может быть в продолжение нескольких месяцев», – описывал ситуацию под Адрианополем анонимный офицер<sup>44</sup>. Русские по-доброму относились и к пленным и перебежчикам из Карса. И. Писарский сообщал, что, подавая изголодавшимся туркам кусок хлеба, русские солдаты приговаривали: «Кушай на здоровье, ты хоша и турка, а все-таки человек»<sup>45</sup>. А после взятия крепости русские гренадеры, раздававшие пищу пленным, выражали свое неудовольствие по поводу нераспорядительности начальства, не заготовившего достаточно хлеба, «и тем усерднее угощали турок, подхлотивших вторично к котлу, наливая им суп с разными прибаутками и шутками»<sup>46</sup>.

В источниках мне встретился только один пример резко негативного отношения российских солдат к пленным. Протоиерей А. Лебединцев рассказывал в письме, как раненый украинец, лежащий в госпитале рядом с пленным французом, спрашивал: «Батюшка! Француз – яка то вира?». «Французы – христиане, католики», – отвечал священник. «Яки ж воны христианы? Я б его повисеж», – говорил солдат<sup>47</sup>. Интересно, что именно разница в религии, а не политические или военные противоречия, служили в его глазах оправданием столь жестокого обращения с пленником. Впрочем, имеются и указания на мародерство по отношению к попавшим в плен противникам – о таких фактах после Синопского сражения с осуждением вспоминал матрос А. Майстренко<sup>48</sup>.

Отношение к пленным гражданских слоев российского общества, сопричастных к европейской культурной традиции, строилось по той же модели, что и отношение офицеров Российской армии. Это в полной мере относится к тем, кто оказывал помощь пленным в госпиталях. «Пленные в восторге, – сообщала в письме из Севастополя начальница Крестовоздвиженской общины А.П. Стахович, – от того, как их русские содержат, и уже несколько писем писали в свой лагерь, говоря, что за ними ухаживают добрые сестры милосердия, и что они считают себя счастливыми. Я им предложила на выбор чай и бульон с белым хлебом; они предпочли бульон и чрезвычайно этим довольны. Даю им также табак, бумажки для папирос; беспредельно благодарят, и когда входим в палатку, каждый нас приветствует». В другом письме она с чувством искреннего сочувствия описала страдания смертельно раненного французского капитана де Кресси. До смерти при нем была монахиня Серафима, а на похоронах присутствовали православный священник и несколько монахинь. Европийская модель отно-

шения к пленным переносится на выходцев с Востока и у гражданских лиц. Стахович трогательно рассказывала о находившемся в госпитале молодом зуаве: «Бедный араб лежит, как зверенок, только глазами хлопает и почти ничего не ест; доктора говорят, что он не болен, а от скуки лежит. Я ему привезла курительного табаку, и он из деликатности взял немножко, а когда ему отдали все, то улыбнулся. Сего дня я сама его супом кормила с офицерской порции, и он целый стакан съел, потом целый кусочек говядины дали и в заключение подали ему трубку; он немного покурил, отдал мне назад и приветливо улыбнулся несколько раз. Как больно видеть человека, похожего на бессловесное животное!»<sup>49</sup>. Пленные сохраняли добрую память о тех, кто их лечил. Уезжая из России, один французский офицер передал сестре милосердия Е. Хитрово портрет покойного императора Николая I в гробу. Потом он посещал русских пленников на острове Принкипо и оказывал им помощь<sup>50</sup>. Впрочем, иногда приверженность европейской культуре доходила до курьезов. В Севастополе на перевязочном пункте, согласно рассказу Лебединцева, медикам помогали перевязывать раны три «светские дамы». По недостатку персонала раненые ожидали своей очереди. «Один матрос был уже близок к этой счастливой минуте, как вдруг вносят раненого француза. Наши сестры все три разом с французским бляением – к французу, оставив своего. Матрос разразился гневом и посыпал вслух всех самой красной русской бранью; наши названные сестры бросили тогда и француза, с которым, вероятно, хотелось поболтать, и больше не появлялись в госпиталь»<sup>51</sup>. Тяга к «настоящим» французам оказалась у дам сильнее патриотических чувств.

Высшие слои провинциального общества также уделяли пленным европейцам повышенное внимание, принимая их как «своих». Однако их благосклонность распространялась в основном на офицеров. Жена командовавшего в 1854 г. войсками в Одессе Д.Е. Остен-Сакена настояла на том, чтобы капитану «Тигра» были доставлены из ее дома «всякие мелкие удобства, принадлежające более к роскоши, как, например, желе». Ежедневно пленников посещали губернатор и другие начальствующие лица, которые были к ним «благосклонны»<sup>52</sup>. По случаю нахождения в городе множества военных, балы бывали в городе почти каждый день. На них приглашались и пленные – на английских офицеров была даже запись. К.А. Скальковский вспоминает, что к ним в дом на вечер тоже приезжали трое пленников<sup>53</sup>.

В октябре 1854 г. в Калугу прибыл взятый в плен под Севастополем лорд Дункеллен, сын бывшего английского посланника в России лорда Кленрикорда. Английские лорды нечасто посещали Калугу, поэтому к персоне Дункеллена со стороны властей было проявлено особое внимание. Калужский губернатор сообщил частным письмом дежурному генералу Главного штаба А.А. Катенину в Петербург, что принял Дункеллена «по-русски», «снабдил его своим платьем и бельем и предложил ему свою хлеб-соль». В распоряжение пленника были предоставлены 2 комнаты в гостинице, а на случай, если он не захочет обедать у губернатора, – и «порядочный стол». При отпращивании же из Калуги лорду купили енотовую шубу. Как оказалось, губернатор «угадал» высочайшую волю, согласно которой с пленником следовало обращаться хорошо и следить, чтобы он ни в чем не нуждался<sup>54</sup>.

Египетских офицеров с «Перваз-Бахри» по пути в Петербург на станциях угощали «яствами, напитками, чаем и кофеем». В Кременчуге их встречали русские «лаши и беи», угощали, спрашивали о здоровье, «а женщины, еще более сострадательные, принесли в подарок плоды, сахар и чай». Так же относились к ним и в других местах. По прибытии в Москву «начальник столицы из особенного гостеприимства, – пишут пленники, – не оставил нас на почтовой станции, а приказал привести в свой собственный дворец»<sup>55</sup>.

О пребывании пленников англичан в Рязани оставил свои воспоминания чиновник особых поручений М.Д. Бутурлин, приставленный к ним в качестве переводчика. Офицерам была отведена «поместительная и опрятная квартира». Английские моряки оказались людьми со средствами. Лейтенант Элфинстон завел себе лошадь и экипаж («таратайку вроде кабриолета»), лейтенант Гамильтон – охотничью собаку. Оба офицера

были «люди отлично образованные, привыкшие к хорошему обществу». Они быстро сдружились с Бутурлиным и даже переписывались с ним после возвращения из плена<sup>56</sup>. Рязанский губернатор П.П. Новосильцев был очень «ласков» с обоими офицерами, и они нередко обедали у него. К столу губернатора регулярно приглашались и прочие пленные офицеры. Нередко они ездили на несколько дней в гости к соседним помещикам, порою не ставя о своих отлучках в известность власти. Некоторые пленники, отличавшиеся светским доском, образованием и манерами, были приняты в салонный кружок супруги губернатора, а капитан Дуф стал у нее «совершенно своим человеком». Она принимала его ухаживания «в более сердечном смысле, чем оно было в действительности» и даже стала ревновать к «одной молодой рязанской особе», с которой тот начал было «сближаться». Элфинстон также пленял сердца местных дам и предлагал руку и сердце одной княжне. Проезжавший через Рязань в Петербург, уже не в качестве пленного, а как гость императора генерал Вильямс был приглашен на вечер к вице-губернатору Д.П. Толстому<sup>57</sup>.

Двух пленников, английских «комисариатских чиновников», Бутурлин разместил у себя дома, так что полагавшиеся им квартирные деньги пленники могли тратить на еду и одежду<sup>58</sup>. Однако теплый прием вовсе не исключал надзора. Бутурлин должен был читать всю переписку пленных и отправлять переводы в МИД, хотя и считал это неблагоприятным делом, особенно учитывая приятельские отношения с некоторыми пленниками. «Я всегда стыдился моего невольного соглядатайства», – резюмировал он свое отношение к этой части порученных ему обязанностей. Корпоративное дворянское самосознание с его особыми представлениями о чести явно преваляло у Бутурлина над чувством долга государственного чиновника, призванного блюсти интересы империи. Лишь однажды Бутурлин вынужден был сообщить своему непосредственному начальству о содержании проходившей через его руки корреспонденции, поскольку флотский медик, человек «мизантропического и раздражительного темперамента» позволил себе в письме на родину «отозваться так желчно и незаслуженно о своем положении в России», после этого Бутурлину все-таки «было неловко встречаться» с ним<sup>59</sup>. Впрочем, не все дворяне в Рязани одобрили поведение губернских властей по отношению к пленным. Нашлись, по выражению Бутурлина «ретрограды» и «желчного темперамента люди», которые осуждали губернатора и полагали, что на пленных надо смотреть как на врагов Отечества<sup>60</sup>. Однако подобные настроения являлись, скорее, исключением из правил.

В русле общей тенденции отношения к пленникам следовали и жители крупных городов, в частности Одессы. Огромная толпа народа, где были представители различных слоев населения, собралась смотреть на захваченных на «Тигре» пленных. «Нас сопровождали дрожки по обе стороны дороги. Множество дам и бородастые помещики не уступали в любопытстве простому народу и подходили к нам настолько, насколько это позволяли им конвойные. Дачи по обе стороны дороги были также наполнены любопытными зрителями: впрочем, никто из них не выражал обидного для нас восторга», – вспоминал Ройер<sup>61</sup>. «Здесь мы впервые испытали ту доброту и внимательность, в которых имели впоследствии так много случаев убеждаться во время пребывания нашего у малоизвестных нам врагов», – продолжает он. Один старый офицер (очевидно тоже движимый корпоративной солидарностью), сопровождаемый дамами, подошел к пленникам и, купив у пирожников и хлебников несколько корзин, раздал их содержимое морякам. Затем по просьбе англичан принесли вина. Примеру этого офицера последовали многие другие, с радостью доставлявшие пленным все, что могли достать съестного в окрестностях<sup>62</sup>. Около здания в Одессе, где содержались англичане, с утра до вечера толпилось много любопытствовавших горожан. Некоторые сострадательные женщины приносили букеты цветов и бросали в комнату к большому удовольствию моряков, «а также устанавливали своего рода телеграфное сообщение с ними посредством языка жестов и цветов»<sup>63</sup>. Живой интерес к пленным проявляла публика и при замене. «Всякий день, особенно по вечерам, не только народ сходил туда (к казарме, где жили пленные. – *Б.М.*) постоять у ограды... но даже ежедневно очень щегольские

экипажи, наполненные нарядами дамами, съезжались туда, становились к ораде, и посетительницы по целому часу смотрели на французских солдат такими взорами, что, признаться, это не делало много чести их образованному вкусу и женской скромности». Многие из этих дам даже не знали французского языка<sup>64</sup>. Похороны капитана «Тигра» Г.-У. Джиффарда, умершего от ран, прошли с воинскими почестями. На траурную церемонию, происходившую в карантине, собрался «весь город». Гроб везли на лафете, и кроме русских войск его сопровождала вся команда и офицеры захваченного судна<sup>65</sup>.

Что касается низших слоев населения, ориентированных не на европейскую модель поведения, а на традиционную культуру, то их отношение к пленным отмечалось любопытством и настороженностью, которые, правда, порой выливались в агрессию. В г. Меленки Владимирской губ., где находились французские пленники, простой народ относился к ним «не как к врагам России, а скорее как к несчастным жертвам войны»<sup>66</sup>. Жители с удивлением наблюдали за бытовыми привычками иностранцев, например, как француз сидит за столом, режет на кусочки белый хлеб и ест посредством ножа. Дети с удовольствием рассматривали форму противника, а затем с увлечением играли «во французов». Однако это не мешало им дразнить пленников нехристями, что явно отражало настроения взрослых. Однажды в результате возникшей на этой почве ссоры пьяный француз ударил ножом сына купца, отчего тот позднее умер. Случившийся поблизости крестьянин с косой тут же зарезал буйного француза. Это послужило причиной массового избияния пленных. Властям с трудом удалось прекратить побоище. Пленные после этого были переведены в Муром<sup>67</sup>. Подобный эксцесс едва не случился и в Рязани. Однажды лейтенант Элфинстон в сопровождении Бутурлина отправился в окрестности города, чтобы заняться живописью. Крестьяне окружили незнакомцев и с подозрением смотрели на их занятия. Затем они отправились к помещику и рассказали, что неприятельские шпионы «снимают планты» с его вотчины. Владелец имения с трудом успокоил своих крепостных<sup>68</sup>. Подчас простой народ не отказывался пожить в имуществе пленных. «Несмотря на всю бдительность русских властей, им отнюдь не удалось предотвратить расхищения со стороны мародеров, которые пробрались на борт и обшарили весь корабль, – вспоминает лейтенант «Тигра», – так что ничего мало-мальски ценного в нем уже не осталось». Виновных полиция так и не нашла<sup>69</sup>. Этот эпизод, конечно, был исключен из русского перевода мемуаров Ройера. Однако его подтверждают и русские современники<sup>70</sup>.

В целом же в эпоху Крымской войны отношение общества к военнопленным было вполне гуманным и соответствовало статусу и нормам обращения с ними, характерным для большинства стран Западной Европы. Тон здесь, несомненно, задавала верховная власть, которая в своей политике лишней раз стремилась подчеркнуть (в том числе и рядом демонстративных акций по освобождению некоторых пленников<sup>71</sup>) принадлежность России к ведущим европейским державам. Однако правительство не было единственным «европейцем» в стране. В этом вопросе с ним оказались солидарны образованные слои общества. Такая позиция, свойственная в том числе военному командованию и офицерству, несомненно, влияла и на настроения нижних чинов, сама включенность которых в военную машину европейского типа являлась фактором модернизации сознания. На их отношение к пленным влияло и осознание общности солдатской судьбы, формировавшееся в ходе боевых действий. Что же касается слоев общества, занимавших нижние ступени социальной иерархии и являвшихся по преимуществу носителями традиционной национальной культуры, то их отношение к военнопленным было настороженным, причем наибольшим фактором отчуждения был религиозный. Однако до масштабных проявлений агрессии дело не дошло, поскольку из-за удаленности и локальности театра боевых действий и небольшого количества военнопленных значительные массы гражданского населения не вступали в контакт с противником, как это случилось в эпоху войны 1812 г.

## Примечания

<sup>1</sup> См., напр.: *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825–1853. М., 1982; *Артемьева Е.Ю.* Культура России глазами посетивших ее французов (последняя треть XVIII в.). М., 2000; *Оболенская С.В.* Германия и немцы глазами русских. М., 2000.

<sup>2</sup> См. напр.: *Шебадина Г.В.* Шведские военнопленные в Сибири: Первая четверть XVIII века. М., 2005; *Бессонов В.А.* Военнопленные Великой армии // Отечественная война 1812 г.: Энциклопедия. М., 2004. С. 137–139 (в том числе новейшая библиография); *его же.* Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. IV / Труды Государственного Исторического музея. Вып. 147. М., 2005. С. 49–80; *Бессонов В.А., Миловидов Б.П.* Польские военнопленные Великой армии в России в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2006. С. 289–305; *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии и Австро-Венгрии в России (1914–1918 годы) // Проблемы истории России и зарубежных стран. Вып. 1. Нижневартовск, 2000. С. 67–85; *Талапин А.Н.* Попечительство как проявление отношения населения Западной Сибири к иностранным военнопленным (1914 – февраль 1917 гг.) // Актуальные проблемы отечественной истории XVI – начала XX в. Вып. 2. Омск, 2005. С. 180–192.

<sup>3</sup> *Бессонов В.А.* Численность и состав военнопленных Крымской войны 1853–1856 гг. в Калужской губернии // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2005. С. 151–154.

<sup>4</sup> РГВИА, ф. 395, оп. 325, д. 40, л. 127–129.

<sup>5</sup> Там же, ф. 1, оп. 1, т. 7, д. 21249, л. 37.

<sup>6</sup> См. русский перевод: *Право войны в изложении А.В. Гефтера* // Военный сборник. № 10. Ч. 2. 1884. С. 84–86.

<sup>7</sup> ПСЗ-П. Т. 28. № 28038.

<sup>8</sup> РГВИА, ф. 395, оп. 111, д. 454, л. 18, 25 об. – 26, 28, 29, 32 об., 48 об., 50 об., 101.

<sup>9</sup> *Ершов А.И.* Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. СПб., 1891. С. 52, 63–64.

<sup>10</sup> *Рудаков П.Д.* Дневник о войне в Малой Азии в 1854–1855 гг. // Русская старина. 1905. № 6. С. 501.

<sup>11</sup> Там же. С. 202.

<sup>12</sup> *Дондуков-Корсаков А.М.* Воспоминания о кампании 1855 г. в Азиатской Турции // Кавказский сборник. Т. 1. Тифлис, 1876. С. 345–347.

<sup>13</sup> *Рудаков П.Д.* Указ. соч. С. 503, 505.

<sup>14</sup> *Крупская А.* Воспоминания Крымской войны сестры Крестовоздвиженской общины. СПб., 1861. С. 46–48.

<sup>15</sup> *Ершов А.И.* Указ. соч. С. 54.

<sup>16</sup> Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 2. СПб., 1871. С. 138–139; *Ройер А.* Пленные англичане в России // Современник. 1855. № 8. С. 209.

<sup>17</sup> *Мещерский А.В.* Записка о размене пленных войны 1854–1856 в Одессе // Русский архив. 1899. № 3. С. 467, 469–470, 485–486.

<sup>18</sup> *Сандвич Х.* Дневник осады Карса в 1855 г. // Военный сборник. 1878. № 3. С. 136–137.

<sup>19</sup> *Мещерский А.В.* Указ. соч. С. 474.

<sup>20</sup> *Сатин.* Из записок черноморского офицера // Русский вестник. 1873. Т. 103. № 1. С. 98.

<sup>21</sup> П-в. Из дневника раненого офицера // Библиотека для чтения. 1856. № 6. С. 27.

<sup>22</sup> *Бутурлин М.Д.* Записки // Русский архив. 1898. № 7. С. 431.

<sup>23</sup> *Ершов А.И.* Указ. соч. С. 53.

<sup>24</sup> *Рудаков П.Д.* Указ. соч. С. 495.

<sup>25</sup> Четыре эпизода из блокады Карса // Русский вестник. Т. 63. № 6. С. 491.

<sup>26</sup> П-в. Из дневника раненого офицера. С. 35.

<sup>27</sup> Акт о сдаче города и крепости Карса... // Морской сборник. 1856. № 1. Офиц. часть. С. 49.

<sup>28</sup> РГА ВМФ, ф. 4, оп. 1, д. 18, л. 160–161.

<sup>29</sup> *Мещерский А.В.* Указ. соч. С. 486.

<sup>30</sup> РГИА, ф. 970, оп. 1, д. 991, л. 2.

<sup>31</sup> Из воспоминаний В.И. Барятинского // Русский архив. 1905. № 1. С. 93–95.

<sup>32</sup> Блокада Карса: Письма очевидцев о походе 1855 г. в Азиатскую Турцию. Тифлис, 1856. С. 113.

- <sup>33</sup> Писарский И. Под Карсом // Военный сборник. 1859. № 6. С. 160–165; Блокада Карса... С. 119.
- <sup>34</sup> РГИА, ф. 970, оп. 1, д. 991, л. 3.
- <sup>35</sup> Ройер А. Указ. соч. С. 53.
- <sup>36</sup> Крупская А. Указ. соч. С. 25.
- <sup>37</sup> Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 5. СПб., 1874. С. 146.
- <sup>38</sup> П-в. Из дневника раненого офицера... С. 35.
- <sup>39</sup> Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 5. С. 382, 463.
- <sup>40</sup> Цит. по: Кожехин А.Г. Взаимоотношения противников в период обороны Севастополя. 1854–1855 г. // Мат-лы междунар. науч. конф. «Восточная (Крымская) война и оборона Севастополя». Севастополь, 1994. С. 21.
- <sup>41</sup> Турбин С. Пленный турок: Из крымских воспоминаний // Военный сборник. 1864. № 4. С. 393–394.
- <sup>42</sup> Мещерский А.В. Указ. соч. С. 490.
- <sup>43</sup> Ерофеев Н.А. Указ. соч. С. 247–310; П-в. Из дневника раненого офицера. С. 35; Завойко Ю. Из воспоминаний о Камчатке и Амуре // Защитники Отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г.: Сб. официальных документов, воспоминаний, статей и писем. Петропавловск-Камчатский, 1989. С. 125–126.
- <sup>44</sup> И.О. Воспоминания офицера Закавказской армии. СПб., 1857. С. 31.
- <sup>45</sup> Писарский И. Указ. соч. С. 152.
- <sup>46</sup> Четыре эпизода из блокады Карса. С. 490.
- <sup>47</sup> Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 13. СПб., 1899. С. 373.
- <sup>48</sup> Синопское сражение // Современник. 1856. Т. 56. № 3. С. 78–79.
- <sup>49</sup> Собрание писем сестер Крестовоздвиженской общины попечения о раненых. СПб., 1855. С. 23, 32–34.
- <sup>50</sup> Мещерский А.В. Указ. соч. С. 459.
- <sup>51</sup> Барсуков Н. Указ. соч. С. 370–371.
- <sup>52</sup> Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 2. С. 138–139; Ройер А. Указ. соч. С. 209.
- <sup>53</sup> Скальковский К.А. За год. Одесса, 1905. С. 74.
- <sup>54</sup> Бессонов В.А. Численность и состав военнопленных Крымской войны 1853–1856 гг. в Калужской губернии. С. 152–153.
- <sup>55</sup> РГИА, ф. 970, оп. 1, д. 991, л. 2.
- <sup>56</sup> Бутурлин М.Д. Указ. соч. // Русский архив. 1898. № 6. С. 317–318.
- <sup>57</sup> Там же. № 6. С. 318–319, 322; № 7. С. 416–417, 430–431.
- <sup>58</sup> Там же. № 7. С. 415.
- <sup>59</sup> Там же. № 6. С. 318; № 7. С. 416–417.
- <sup>60</sup> Там же. № 6. С. 318.
- <sup>61</sup> Ройер А. Указ. соч. С. 204–205; Royer A. The English prisoners in Russia. L., 1855. P. 15.
- <sup>62</sup> Ройер А. Указ. соч. С. 205.
- <sup>63</sup> Royer A. Op. cit. P. 25.
- <sup>64</sup> Мещерский А.В. Указ. соч. С. 456.
- <sup>65</sup> Скальковский К.А. Указ. соч. С. 73; Ройер А. Указ. соч. С. 219.
- <sup>66</sup> Э-ский А. Эпизод из времен Крымской кампании // Исторический вестник. 1896. № 12. С. 982.
- <sup>67</sup> Там же. С. 981, 984–986.
- <sup>68</sup> Бутурлин М.Д. Указ. соч. // Русский архив. 1898. № 6. С. 322–323.
- <sup>69</sup> Royer A. Op. cit. P. 13–14.
- <sup>70</sup> Скальковский К.А. Указ. соч. С. 72.
- <sup>71</sup> Миловидов Е.П. Из морского сражения в сухопутный плен: Черное море – Петербург: (Два казуса эпохи Крымской войны) // Хронотоп войны: Пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. СПб., 2007. С. 155–157.